

Расшифровка интервью

Дата: 04.07.2023

00:00:05

Давайте вначале вспомним, кем ваши родители были и как пути их пересеклись?

Моя мама училась в МВТУ в это время. Юность её прошла... Она родилась и жила... Родилась она в Беларуси, а потом ее родители переехали под Киев, в Пушу-Водицу, есть такое место. И там, значит, они жили. Я с мамы начну, потом к отцу перейду. Отец... Мой дед был раввин. Раввин духовный, и он был человек очень добрый. В 1919-м году он пригласил женщину, больную то ли холерой, то ли тифом, то ли... В общем, вот этими болезнями того времени. С ребёнком больным. Он их вылечил, а они выздоровели, а он умер. А через две недели умерла мама, и дети остались одни. Там было несколько детей, остались... Старшая сестра моей мамы уехала в Киев. Одна сестра училась, а мама, и ещё дядя мой и тетя остались одни. И вот, в этот тяжелый период, когда махновцы, поляки, когда банды — они прятались, бежали. Была зима, и мама, когда нашли, ее несли на руках, потому что у нее были отмороженные ноги. Думали, что ей будут делать операцию. Врач шел и плакал. Но потом, значит, спасли ее ноги, и они попали в детский дом. Детский и дом подростков были вместе, и они попали туда, и там были дети — многие дети — без родителей. Там у мамы было много друзей, в том числе семья маминой подруги, Беллы, ее муж. Когда они учились, и профессию... Когда... А потом моя мама уехала в Москву, поступила работать, изучала все, что можно. Была даже многостаночница, талантливый человек был. Ну а её друзья — по-разному у них жизнь сложилась. Один из ее друзей поступил в потом в КомВУЗ имени Мархлевского. Был такой КомВУЗ для людей, которые были с Запада. Для разных людей, в том числе там был мой отец, он учился. И он был другом маминых друзей, и вот таким образом произошло их знакомство.

00:03:52

А вообще, как ваш отец в Москве оказался ?

Сейчас расскажу. Это я... Вступление. Мой отец родился в Польше, в городе Луков, на границе почти с Брестом. Это места, которые до Первой мировой войны принадлежали — не до конца — принадлежали России. Были польские земли, которые оказались тогда в России. А потом, после Первой мировой войны они отошли к Польше. И вот, в такой, довольно многолетней семье, родился мой отец. Его отец — это семья рабочая — мой отец был, по-моему, вторым или третьим сыном в этой семье. Было три сына, и мой отец — четвертый. Четыре сына и сестра. Он, вообще, его называли даже часто «красным». У него были идеи свободы, он любил Россию очень. У меня есть письма, в которых он писал. Ну я... Они есть. Что солнце всходит на Востоке, что все лучше идет с Востока. И вот, он, в общем, мечтал. Такой был человек. Юноша. Он 1898-го года рождения. И он мечтал.. А когда [нрзб] Варшава была довольно близко, и он ездил в Варшаву. В это время Сталин — наша Красная Армия, во главе со Сталиным — потерпела поражение в Польше. И они оттуда, можно сказать, уходили, бежали из Польши. И мой отец присоединился тогда, в 1920-м году. Когда война Мировая закончилась, а была такая вот ещё война — конец войны. Вступил он в Красную Армию, когда армия оказалась в Польше, в Минске. Он вступил в Красную Армию, когда он был в своем городе Луков, тогда искали... Тогда вообще всех забирали в армию, один из его братьев даже служил в армии польской. Он [отец] не хотел, и он даже скрывался от армии, потому что он хотел быть в Красной Армии. После этого, в 1920-м году, он оказался в Красной Армии, и потом с Красной Армией он ещё два года воевал, уже, наверное, в Гражданскую войну. А через два года он уже демобилизовался и работал в разных, ну, там написано — в разных организациях. Потому что семья была рабочая, больше всего они занимались, как многие поляки и евреи, обувными делами. Ну, вот, он как-то работал в разных организациях, а потом, в 1927-м году, он поступил в КомВУЗ имени Мархлевского. Он как бы назывался «Национальных меньшинств народов Запада». Это известный, о нем... Известный такой. Он закончил его, уже к тому времени он был знаком с мамой.

00:08:02

Дальше они поженились, да?

Поженились. Позже как-то. И его... Всех направляли, и он взял направление политического работника. Все брали разные, кто-то в газете, а он... И его направили — тогда начали строить Биробиджан — и его направили туда работать. И он там работал. Мама два раза ездила на Дальний Восток, в Биробиджан, и после одной из ее поездок, когда она приехала, она уже ждала меня. Поэтому, так как он довольно долго там работал, то я его видела очень редко. И память у меня о нём очень небольшая. По сути дела, я принесла маленькую фотографию, где

видно, что я была... Я не рядом с ним, но среди всех можно было увидеть его, и меня, лохматую кудрявую девочку, мне не было четырех лет. Поэтому я помню очень мало. Помню...

00:09:18

А где вы в Москве жили?

Мы жили к тому времени сначала в Аптекарском переулке, где была такая небольшая комната. Мама ждала к тому времени — к 1938-му году, но я сейчас расскажу — второго ребенка. Отец очень хотел сына, мечтал. Мы жили сначала в Аптекарском, а потом поменялись и его арестовали — Новорязанская улица, дом 7/31, квартира 11. Это где мы долго потом жили с мамой и братом. Причем, мы только переехали, 8 марта, а 9 марта за ним пришли. А я спала, наверное, вообще в те времена очень крепко.

00:10:22

То есть у вас вообще даже не осталось никаких обрывков воспоминаний?

Воспоминания остались. Я очень помню, как он меня катал на санках, потому что у нас был парк рядом. Назывался... Есть Милютинский, здесь где-то в центре, у нас тоже был такой парк.

00:10:40

Но именно ночь ареста, у вас ничего об этом не было?

Ночью — ничего. Только по маминым... Но мама вообще не любила на эти темы говорить.

00:10:51

Не любила, да?

Нет, это было очень страшно.

00:10:57

Получается, вы потом всю жизнь жили в этой квартире?

Нет.

00:11:01

Нет?

Мы потом переехали. В этой квартире, в этой комнате одиннадцатиметровой, мы жили с соседями. Причем с одними, с которыми очень дружили с моего рождения. Они помнили отца моего. И мамины друзья, тоже, те, которые были в детском доме, в доме подростков, они помнили, и до ареста моего отца они часто у нас бывали. Я еще помню, как мы сидели с отцом на диване, он меня подбрасывал и обнимал. Знаете, практически почти воспоминание... Дело в том, что когда он вернулся в Москву, уже после того, как в Биробиджане он поработал, у него был какой-то жуткий радикулит, и он — поэтому его, видимо, отпустили — он работал в Мытищах, а последний срок, после которого, время... После которого его арестовали, он работал в Дирижабльстрое в Долгопрудном. Раньше он назывался Дирижабльград. И в этом Долгопрудном он работал Завпарткабинетом. Вообще я так, о судьбе коснусь... Дело в том, что тогда начали дирижабли делать. Это первые Дирижабли там начали делать, и там были очень квалифицированные специалисты, они ездили в Америку, изучали. В Америке это уже было, а у нас... Я не знаю, позже или раньше, я не могу сказать, но в общем... Надо сказать, что к этому времени стали арестовывать всех, кто ездил в Америку. И у меня была подруга, тоже репрессированная. Они жили там недалеко. Ее отец тоже в это же время погиб. Она мне немного об этом рассказывала. Но не в этом дело, просто польских граждан Сталин ненавидел, за то, что он там потерпел еще поражение, это для него было... Ну, и немцев, но поляков — особенно. Очень большое количество поляков было репрессировано.

00:13:38

А ваша мама не рассказывала, были ли какие-то у неё или у вашего отца предчувствия, что это может произойти, или это было совершенно неожиданно?

Она мне не говорила никогда. Но я думаю, что были. Раз начали арестовывать с Дирижабльстроя, наверное, и знакомые его... Например, его товарищ, благодаря которому они [родители] познакомились, он работал в еврейской газете, там арестовали главного редактора.

А он [друг отца] вообще жутко боялся, у него просто начались разные болезни, но его не арестовали. Об этом мой отец, конечно, все знал. Потому что были многие его знакомые, видимо.

00:14:39

То есть это было фоном жизни?

Да, это страшно, когда эти машины останавливались...

00:14:46

После ареста что ваша мама начала делать? Она же наверняка его [нрзб]

Моя мама работала. Ее очень уважали на заводе, где она работала, АТ. Рабочая, она механиком, закончив МВТУ, работала. И даже, когда нужно, она сообщила о том, что ее муж арестован. Надо сказать, мы жили в Баумановском районе, и она считала, что все знают о нас, об отце. Поэтому она всегда говорила только то, что... Только правду, то, что есть. И она, конечно, обязательно сказала на заводе. А рабочие так хорошо относились, что они говорили: «Давайте ей устно выговор вынесем?» Но этого нельзя было сделать, потому что Райком стоял. И вынесли выговор. И на этом заводе она работала до войны, на этом заводе. Вот это вот — вступление.

00:15:59

А за что выговор сделали?

М-м-м?

00:16:02

За что выговор сделали?

За то, что отца, мужа забрали. Это было и у меня тоже, когда я поступала в институт, я могла... Меня не принимали. И даже, когда я поступала в свой институт, МИХМ, Химического машиностроения — сейчас он университет какой-то, экологический, что ли — то я подала документы. Мама считала, что я должна говорить только правду, и я написала: «отец был репрессирован». А девушка, видимо, которая принимала документы, может, не обратила внимания, и мои документы взяли. А когда стали вывешивать списки, то меня в списках не оказалось. Я пришла, мне сказали — к председателю приемной комиссии. Он мне говорит: «Знаете, вы тут не написали подробно, вы возьмите документы, пусть мама вам скажет, вы потом принесете». А я тогда была такая худенькая, такая, наверное, бледная, что, мне кажется, так ему жалко стало. Я только так понимаю. Он слушал, слушал, говорил, говорил... Потом сказал: «Ой, знаете что? Идите» И меня взяли в институт. Когда распределяли, я... Куда я хотела, меня тоже не взяли. Потом я уже сама устраивалась.

00:17:38

То есть это все-таки наложило отпечаток?

Вы знаете, этот страх был всегда. Мама — мама всю жизнь боялась. Дело в том, что... Она мне никогда не говорила, но она сказала, что ее задержали. Она ходила, все время, есть письма ее, когда она ходила в КГБ. В конце концов ей сказали: «Еще раз придете — и дочку свою не увидите никогда». Она была беременна братом. Ну, как будто бы ее задержали. Я помню, что ее дома не было какое-то время. Но потом она пришла, и она очень долго болела, это я помню.

00:18:28

То есть она пыталась выяснить, да, что с отцом?

Нет, ее задержали. Какое-то время она была на Лубянке, видимо. Ну, выпустили. Она мне говорит: «Наверное, потому что я в детском доме воспитывалась». У нее было такое чувство, что ее выпустили. Подробности я не знаю, потому что это она говорила жене брата моего, нашим соседям, с которыми мы дружили. Я тут маленькое вступление хочу сделать: знаете, люди очень разные были. И вот даже — мы только переехали, арестовали отца — вдруг приходит соседка, которую мы не знали, и говорит: «Вы знаете, мне кажется, вам очень трудно. Возьмите у меня деньги, потом когда-нибудь отдадите». Вот это очень большое впечатление, вот этот рассказ мамин, об этом, на меня очень сильно подействовал, что были разные люди. И были очень хорошие наши соседи, которые любили нас, и с которыми я дружила до самого их конца.

00:19:39

То есть никто не осудил и не предал, да? Из ближнего окружения?

Ну, уже знакомые не приезжали, но они боялись все. И у нас уже не было, уже только... Уже позднее. Мамина подруга осталась ее подругой. И она с ней в общем в контакте была всегда. Мамины друзья, вот эта семья замечательная.

00:20:10

Нина Марковна, а какие, может быть, самые яркие воспоминания, связанные с детством у вас?

С чем?

00:20:19

С детством. Вот самые яркие воспоминания?

Связанные с отцом или вообще?

00:20:24

Вообще.

Ну, собственно говоря, самые яркие, наверное... Это счастье, что мама рядом была. Счастье, что брат у меня был. И у меня был очень хороший дядя, мамин брат, который тоже... Он оказался в Караганде к тому времени, он закончил тоже — они же без образования были, но все закончили институты — энергетический, его направили в Караганду. Он там работал и решил к нам заехать в гости. Когда он уехал, его предупредили, потом он каким-то образом написал, или что — не приезжай больше сюда. Началась промпартия, когда стали арестовывать тех людей с образованием, интеллигенцию. Вот эти годы. И он не приехал. Иногда у нас ночевал, иногда у него не было квартиры, все такое. Ну, собственно, это был нам очень близкий человек. И мамина сестра, которая потом погибла, ее сбило машиной. И мамины племянники, мои двоюродные, к нам приезжали, потому что у нас была горячая вода — душ, горячая вода — а они жили в жутких условиях. И мылись, и это было, по-моему, всю жизнь, пока они не выросли и не получили что-то другое. Мама была очень добрая, умная, и хранила память. Где-то у меня, я не нашла, остались отцовские часы, которые, когда мы были в эвакуации — мы уезжали в эвакуацию — которые мама хранила, и когда что-то там надо было исправить, часовщик просил продать, потому что это были швейцарские часы. Мама не продала. А часы такие, с виду неприглядные, они лежали в кармане, на цепочке какой-то там. Вот это, наверное, и фотография, больше, пожалуй... Ну и письма кое-какие, и фотографии, которые остались.

00:22:48

А часы эти сохранились у вас, да?

М-м-м?

00:22:51

Часы сохранились?

Часы есть, но я их не нашла. Если я найду и договорюсь с сыном, то мы вам принесем сюда. Больше у нас ничего не осталось. Во-первых, комната была 11 метров, во-вторых, все выбросили и что можно — забрали.

00:23:12

А когда началась война, вы были в Москве, да?

Мы были в Москве, в августе мы уехали. Причем, на этом заводе они хотели детей маленьких, вот таких, как мой брат, который в 1938 году также родился... Их детей вывозили. И мама собрала чемодан, а потом, в последний момент, сказала: «Нет. Если мы погибнем, то уж мы все вместе». И надо сказать, дети, которые были в Калининскую область отправлены, они все пропали. А мы остались. Брат у меня родился очень слабенький. Так как мама болела какое-то время и очень переживала. Вообще, знаете, у нее после этого слез не было, она не могла плакать.

00:24:10

А вы у нее потом расспрашивали, как вообще все происходило тогда [нрзб]?

Не расспрашивала никогда на эту тему, никогда. Я не расспрашивала, а она не говорила. Ну, все раскидали, все побросали. Он как был, в каком-то там халате или в чем он был, в том его и забрали. Это я знаю.

00:24:36

То есть в 1941-м году вы уехали из Москвы?

Уехали мы. Мы в Свердловскую область... Егоршино. Артемовск теперь, по-моему, называется город. В Егоршино мы уехали.

00:24:53

И сколько вы там прожили?

Мы там были до 1943-го года, и мы приехали [обратно] в тот день, когда наши войска взяли Белгород и Орел. И был первый салют, а мы как раз с братом сидели, мама куда-то вышла, а окна же завешены были черной бумагой. А в том парке, где мы гуляли — напротив прям — там были ямы, туда упали фугасные бомбы и зажигательные. Одна фугасная, по-моему, остальные — зажигательные. И были как-то окна, видно, или выбиты, или что. Может, что-то вставили. У нас соседи, они ключ от нашей комнаты никому не отдавали. Они держали, потому что мама регулярно платила. А вот соседи, которые не платили, они остались без жилья. То есть вот это дело. Там я жутко болела, это я знаю. У меня был суставной ревматизм. Мама несла меня на руках в больницу. Периодически — я большая была уже девочка, мне было 7 лет — я падала, мы падали с ней, вставали. И я попала в больницу, и там я умирала. Потому что, в общем, состояние тяжелое. Мама что можно меняла, даже какие-то шоколадки приносила, но я ничего не хотела. Врачи там были из Ленинграда. Врачи были хорошие. Они, и я, наверное. И мой организм, не знаю... Я выжила. Практически — я пошла в первый класс в тот год — тогда я почти не училась.

00:26:38

А про школу у вас какие-то воспоминания остались?

Ничего хорошего. Я очень мало... Я только помню, что одна из девочек — с Украины она приехала — наверное, может, они голодали... Она приходила ко мне домой, когда я была одна. И съедала все, что там было. Пока мама не заметила, что я ничего не ем, а ничего не оставалось. Она была старше, и она приходила, вот это я помню. Это была комната, и почти... За несколько месяцев только до отъезда сумели сделать печку. А отопление было со стороны соседей. И они так свои дрова, наверное, клали, чтобы нам тепло не приходило. И если приносили воду с льдинками, это я помню, то эти льдинки так долго, очень, не таяли — у нас было очень холодно. И мы уехали в эвакуацию с дядей, с его организацией. Но он ездил по Уралу и Сибири. Его часто не было. А вообще мы спали вдвоем: я, мама, брат маленький. Кровать была довольно узкая, и было очень холодно, это я помню. Что всегда было холодно. А летом, я знаю, что мама работала на электростанции и в геологоразведке. И еще я помню такой момент, что у меня брат чуть не погиб. Мама, когда уезжала в геологоразведку, то она его оставляла на несколько — на один, два дня. И звонила — как там он? И сказали — а его взяли уже. А когда мама говорит: «Как взяли? Некому взять». Оказалось, что его забыли в снегу. И он засыпал. Вот чудом он выздоровел. Я даже маленькую фотографию его принесла — когда мы были маленькие, я и он.

00:29:54

То есть, тяжелая была жизнь в эвакуации?

Тяжелая. Ведь дети... Там не было никаких друзей. Все, что там было связано, мне очень не нравилось. Люди были довольно жесткие. В общем, это самые неприятные моменты моих воспоминаний — эта жизнь в эвакуации. Но, слава Богу, мама работала, и поэтому мы могли... Мы существовали. Она как-то сказала: «Если бы меня уволили где-нибудь, мы бы умерли с голоду».

00:29:38

А в Москву вы когда вернулись и куда?

В свою комнату вернулись.

00:29:47

Когда это было?

В 1943-м году.

00:29:50

То есть, уже можно было вернуться, да?

Нет, но мама платила кому-то тогда. Никто не забирал, если ты платишь. Даже в такое суровое время, даже в семье, где были репрессированы. В школе этот вопрос не поднимался никогда. Школа... Хорошие люди там были. Я с многим дружила потом в школе. У меня одна подруга недавно ушла. Она тут у вас тоже значится. Значилась... Она вот, коронавирус когда начался, она заболела и умерла. Это моя была подруга лучшая.

00:30:32

Со школы ещё?

По школе. И ещё там... Мы с ней дружили до конца ее дней.

00:30:41

А в школе у вас еще были такие же, как вы, у кого отцы?..

Вы знаете, никто никогда не говорил. Нигде. Ни в школе, ни в институте. Только на последнем курсе, когда началась, в 1956-м году, когда реабилитация... Только знали двое человек. Две мои подруги. Однокурсники. Одна там же, в Бутово, где мой отец. Была моя подруга, она жива, но здоровье неважное. У нас разница в несколько дней от моего... Когда моего отца забрали, и забрали у неё. Он был словак, чехословак, из Чехословакии. Тоже погиб, и тоже в Бутово. И еще одна моя подруга. Больше никто. Никто никогда не говорил. Дело в том, что класс был, знаете, дети были, у которых очень многие родители были на фронте, у многих погибли. Я могу предположить, но никогда об этом не говорили. Никогда. И никогда меня не затрагивали в этом смысле. Это просто, наверное... Даже не знаю, почему. Я потом думала, когда видишь, как другие в тяжелые ситуации попадали, никогда этот вопрос не поднимался.

00:32:16

Учителя же знали, да, наверное?

Не знаю, знали или нет. Но никогда не говорили. Просто вот с институтом — да, никуда не брали.

00:32:27

А вот когда вы закончили школу, как вы выбирали институт, куда вам поступать?

А он близко был, сравнительно... Пешком ходила. А мне сказали, что берут. Я пошла, и вот я вам рассказывала, как меня принимали.

00:32:47

Но дальше не было уже никаких препятствий, после поступления?

Когда? После поступления — нет. Но когда моя подруга, с которой мы вместе учились — а у нас была военная кафедра, мы химики. По химии, хоть я и не химик, а теплотехник. У нас была химия и когда она написала... Когда мы окончили, нам присваивали звание, нужно было написать свою биографию. И я написала: отец умер. А она написала: репрессирован. И ей полковник Горбатов — я до сих пор помню — сказал: «Я не понимаю, почему вашу маму не забрали. Почему ее оставили? Почему вас?» Вот это правда. После этого я решила, что нигде не буду писать, что мой отец репрессирован

00:33:45

Кстати, да.

Меня не взяли туда, куда я распределялась, а потом я попала. Время было уже немножко более... Ну, какая-то свобода. Это в 1957-м году я только окончила институт.

00:34:03

А куда вы хотели на работу пойти?

Я хотела в другую какую-то организацию. Там моя подруга работала. Она говорит: «Приходи»

— и так далее... Но, вот, не получилось. И я пошла в ОргЭнергоСтрой — такая была организация, занимались котлами. А у меня диплом был по котлам и я их очень... И мне очень удачно, нравилось. А когда я попала туда, в эту организацию, то я работала, и ездила на заводы, на Таганрогский котельный завод. И там несколько месяцев я там была в командировке. Чуть ли не 4 месяца. Периодически. Вот эти крупные котлы, которые стоят до сих пор, я там участвовала, в какой-то степени, в их разработке. В малой степени — я же не энергетический кончала, у меня немножко было другое направление, но диплом был очень удачный, и я это дело как-то полюбила. А потом я перешла — когда я вышла замуж, сын родился — я перешла в институт, в замечательный Институт азотной промышленности и продуктов органического синтеза. Я работала как теплоэнергетик, и моя работа заключалась в том, чтобы определить направление развития нашей теплоэнергетики заводов, нашего генпроектирования. Институт был большой, у нас работало 3000 человек. А с филиалами было около 12 [тысяч]. То есть очень большой, масса заводов, которые минеральное удобрение делают — это все наше. И там мне очень нравилось, и любили, и до сих пор любим, и я дружу с теми, кто остался еще живых, с теми, с кем я работала. Это были лучшие, конечно... Атмосфера, отношения, специалисты высокого класса. Старшее поколение. И это был замечательный институт.

00:36:34

А ваши коллеги знали историю вашего отца? Вы рассказывали?

Да нет, особенно я не рассказывала. Ну, ни к чему.

00:36:47

А вот когда вы в институте учились, были ли какие-то обсуждения происходящего?

Никогда.

00:36:55

А были ли люди, которые, может быть, вы чувствовали, что они не поддерживают то, что происходит?

Не было вообще. Видно, наверное, это было опасно, все на эту тему не говорили. Мама только сказала мне, что он был хороший человек. И все. Я с этой мыслью всегда жила. Пока я в 1956-м году... Мы получили заключение, что он «За отсутствием состава преступления...»

00:37:30

А как вы его получили, это заключение?

Ну, во-первых, когда стали выдавать, в 1957-м году, я хотела, я хотела пойти, мама сказала: «Нет, я пойду. Я сделаю все, чтобы у вас не было в вашей биографии ничего». И она ходила. Вот она была... Но, когда я ей... А потом я занималась. Когда я показала фотографию отца из тюрьмы, это для нее был, по-моему, ужас. Она очень быстро потом ушла из жизни. Но не поэтому. Но уже мы попадали, когда «Черная кошка» была в Москве. Я помню, как я входила в подъезд, а мы... Школы были в две смены, я училась, помню, во вторую смену. Сколько мне было? Не помню. Лет 11-12, не помню. Я вхожу в подъезд, и вдруг меня кто-то поднимает. И поднимает на руках. Мне так страшно было, но я, наверное, такая маленькая была, что им было неинтересно — они меня поставили, и я быстро побежала. Вот это у меня осталось в памяти. Потом мама меня встречала, а то вечером поздно шли.

00:38:50

Это вот эта банда, да? «Черная кошка»?

Вот это... То есть, мне кажется, что это «Черная кошка». Но я не знаю, кто. Ну, какие-то люди чужие.

00:39:00

Ну да, было такое время, конечно.

Тяжелое время было, когда бандитизм был. Жили, конечно, скромно очень. Мама одна работала.

00:39:10

Она так и не вышла замуж?

Нет, 32 года она оставалась вдовой. И никогда. Ее задача была — нас вырастить, дать образование. Я закончила институт, брат мой закончил. Но он... Знаете, он очень у нас умный оказался. Он очень способный человек. Он занимался... Он строительный закончил, по воде. И он — крупный специалист. У него даже была премия ЮНЕСКО за интеллектуальную собственность. Он делал эти установки в странах, где воду... Воды не было. А у него была установка, «Первая струя». И он ездил в Австралию, там, он ездил куда-то то ли в Венесуэлу, в общем, Южную Америку. По России. И он до сих пор... Его нет, он умер рано. Просто, я говорила, когда он родился, он весил 1,5 килограмма. Но у него, когда он поступал в институт, у него были уже заизвесткованные каверны — то есть у него был туберкулез. И мама пробовала, лечила, как могла. Пока детский врач ей сказал: «Знаете, вы живете около вокзалов, я вам дам молочницу, берите у нее молоко, и больше ни к кому не ходите». А мы когда приехали, у него все время была температура. А когда мы приехали на Урал — наверное, ему климат подходящий — на следующий день у него температуры не было. Видимо, начался процесс выздоровления.

00:40:52

А вы еще на Урале жили?

Ну а как же, мы же эвакуированы были на Урал.

00:40:59

Это во время войны, я думала позже...

Ну вот я говорю, что никто, даже подруга, с которой мы вместе занимались, у нее комната была, дяди и тети, свободна. И мы когда в 10 классе готовились к экзамену, мы у нее занимались. Но никогда этих разговоров даже с ней не было. Только потом я узнала, что ее отец, который работал тоже там, где работал друг моего отца, был тоже арестован. И попал в лагерь, он попал. Она сюда даже давала его какие-то письма. Сюда, в архив. Не сюда, конечно. А так — да. А может быть, сюда... Сюда, может быть. Ну, или в «Мемориал» [«Международный Мемориал» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов и ликвидирован. — прим. Ред.], или сюда.

00:42:03

А отношение, Нина Марковна, к Сталину в вашей семье какое было?

Никогда не говорили на эту тему, только дядя его не любил. Он мне как-то сказал... Говорит... Он вообще веселый человек, с юмором, анекдотами. Говорит: «Мы как-то сидели в кафе с друзьями, и вдруг...» — ну, разговаривали. Подходит человек и говорит: «Знаете что, у меня сегодня хорошее настроение, а то бы я вас...» Вот это он запомнил. Он говорил, он знал. Мама, наверное, знала, конечно, но на эти темы не было разговора. А мы пели эти песни — «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Мы считали, что счастливы. Потому что мы ездили в лагерь... Ну, вообще у нас... Мы жили скромно, понимаете? У нас все это было очень трудно. Я никогда не задумывалась, что у меня там. Пока тетя была жива, она мне шила красивые платья. А потом, когда ее не стало... У меня, как-то, знаете... Я училась, я читала много, я ходила, когда были каникулы — мама мне давала деньги — я ходила в кинотеатр повторного фильма, а когда была возможность — в театр. Какая-то, знаете, такая жизнь была. Для меня... Все это было так вот.

00:43:48

А какой театр вы любили в Москве?

Я любила Малый. Большой — нет, я не ходила. Но я ходила и в Малый, и в Маяковский. Ну, так до сих пор, я вот... Когда... Я долгое время в нашей организации жертв политических репрессий, московский «Мемориал» [речь идет о «Московском Мемориале», не признанном иностранным агентом, — прим. Ред.], я занималась концертами. Я, наверное, не знаю сколько, лет 15, или больше, приглашала людей. До сих пор у меня связь осталась. Только вот в этом году я перестала. Я связывалась с людьми — с организациями, которые отвечали за это дело. И людей — я приглашала людей, все мы прошли, по-моему — кто любил музыку — прошли через музыку, через консерваторию, через зал Чайковского. И до сих пор наша организация занимается этим — театрами. Концертами они практически не занимаются, вот, я занималась. Народ уходит. Я потом, когда я вышла на пенсию... Сейчас я просто, несколько отступления: я была координатором Кузьминок среди репрессированных. Координатором, ну, вот... Я знала людей, я ходила. Я знакомилась, началось с того, что я ходила домой, у меня друзья... Было много людей, которые сидели в лагерях. Тогда их было много, и списки я тоже подавала на тех — кому-то участки попали, кому-то еще что-то. Но было много людей, которые прошли лагерь. И я с ними была очень дружна. И многих истории... О многих я могу рассказать, просто я

считаю, что мне повезло, понимаете, что я встретила таких замечательных людей. Вот Иван Павлович Шубин у меня был, например. Человек, который закончил институт, когда война началась, его послали в Куйбышев — бывший Куйбышев. Ему сказали: «Вы будете работать в Шведском посольстве, но все, что там услышите, вы должны нам передать». Он сказал: «Не буду». — «Тогда мы вашего брата...» А брат занимал какое-то положение у него. Он сказал: «Не надо брата, лучше меня». Его забрали на урановые рудники. Но это настолько умный человек, что он... Они выпускали какие-то валенки или что-то еще, в шахты спускали. И он придумал какую-то установку, в котором, наверное, в сотни раз увеличился выпуск этой продукции. И его иногда поднимали на поверхность. Может, поэтому, он иногда... Но он когда... И вот, я с ним дружила, он к нам приходил, дружил с нашей семьей. Очень хороший, замечательный человек.

00:47:16

Он вам, наверное, рассказывал, да, как там было всё?

Нет, он ничего мне не рассказывал, но вот это я знаю. Они не рассказывают, люди, которые пришли, они об этом не говорят. Вот сейчас есть такая, она у вас тоже в ГУЛАГе, ну, подшефная нашей Вари, Варвары — Галина Ивановна Нелидова. Вот с ней до сих пор я дружу, ей 27-го июля будет 96 лет. Она прошла два лагеря. Она была девочкой — в 14 лет она уехала, перед войной, к своей бабушке. Она попала к немцам. Оккупировали, в Ясиноватая [город] она была. И когда стали их потом, молодежь, стали увозить: кого в Германию, а ее — в Норвегию. И как их везли на пароходе сначала, до польского города какого-то, потом вели в город Маас, я до сих пор это помню. Потому что я... У нас была газета «Вести», и я писала туда о некоторых людях, с которыми я знакома была. И вот о Галине Ивановне... Варя все знает, она давала все сведения. А когда... И она работала до тех пор, наверное, попала — у нее язвы на руках начались. А в городе Маас были русские эмигранты. И они иногда посылали врачей. А русскими эмигрантами главный был родной племянник Римского-Корсакова. И он посылал врача, раз там в какое-то время, месяцев. Врач обратил внимание на молодую девушку. Рассказывать?

00:49:11

Да

На молодую девушку. И договорился, что она стала работать там — в больнице или что там. Училась чему-то, и санитаркой там. А когда война окончилась, все эти списки передавали нашим. И они увозили людей в Россию. Она попала в Россию, вышла замуж, родила ребенка, училась. И ее забрали, по-моему, в 1949-м, что ли, году. Забрали: ребенок грудной, оторвали от груди. У нее была грудница, температура 40. В это время там были врачи. Тогда еврейские врачи, она мне рассказывала, они так били в дверь, кричали, и ей делали операцию в самой этой... В самом помещении, в камере. Вот, я с ней до сих пор дружу. Она, правда, сейчас болеет. Замечательный человек.

00:50:21

Нина Марковна, а вы помните, как вы узнали о смерти Сталина?

Ой, я же туда бегала, чтобы на него посмотреть.

00:50:32

Как вы узнали вообще вот эту новость?

Ну как? Узнали, и все... Я даже не знаю, узнали... В школе, наверное, сказали. Мы все это следили. А потом... Мы же все были — «Спасибо за счастливое детство» — и мы с подругой, с моей, решили попасть в колонный зал. И мы перелезли где-то через стену. Нет, сначала мы, студенты, пошли. У нас были у всех чертежи, и мы с ними пошли на Кировскую, а потом в сторону. Такая была еще небольшая очередь, у нас была одна умная девочка, она говорила: «Давайте ко мне, я тут близко, занесем чертежи». Мы занесли, когда туда пошли — там уже была куча народа, и мы не могли. И мы тогда с моей подругой детства, мы с ней пошли... Знаете, недалеко от метро... В центре, рядом...

00:51:49

Театральная?

Там, где стена, через которую мы пролезали.

00:51:54

Охотный ряд?

Не Охотный ряд...

00:52:00

Площадь Революции?

Площадь Революции. Мы пролезли с ней... Как мы пролезли?.. Какие-то мальчишки нам помогали. Перелезли через стену — не понимаю, сейчас я не могу даже понять, как это можно было — перелезли через эту стену и пошли в сторону Художественного проезда туда, чтобы как-то попасть. Куда-то мы поднимались, в комнату в доме, на чердак — не могли пройти. Еще как-то... Потом мы под какой-то машиной подлезали, под лошадью... Я даже не знаю вообще, я даже сейчас не могу понять... И мы попали и прошли.

00:52:46

А что это было за стремление такое? Почему вам так хотелось попасть?

Вождь же был для нас. Мы же не думали об этом, мы по-другому были воспитаны. И мы... Как мы остались живы? У мамы моей у друзей погиб сын, или дочка, не помню, кто-то из близких. У моей подруги, с которой мы вместе учились, я говорила, у которой отец в Бутово — у нее школьная подруга погибла.

00:53:30

Во время похорон?

Во время этого, да. А мы каким-то образом... Как? Стечение обстоятельств. Как мы попали, я не знаю даже теперь. В какую-то очередь мы вклинились. Вот уже, близко. Я говорю — что мы по каким-то чердакам? Если бы знать, конечно, нас бы никто... Просто остановили, но все работали.

00:54:02

Но вы увидели, в результате?

Конечно. Увидели и прошли. Остались живы.

00:54:13

А как отреагировали в вашей семье на эту новость?

По-разному. Дядя, он сказал... Назвал его, как надо. А мама на эту тему не говорила. Ну, она... Вообще, страх у нее был всегда. Сколько я помню, всегда. Но никогда на эту тему она не говорила. Только немножко... У нас же, у моего отца, были родственники — это там написано, вы это читали, да? Родственники, которые жили в Луково. Уже отца не было, было три брата — они всю жизнь искали моего отца. Они переписывались, долго. Искали моего отца. Особенно младший, наверное, он его любил очень. Может, он ему когда-то уделял внимания больше. А вот я там написала, что они... Когда немцы стали к Польше подходить, собрали братьев. И сказали: «Уезжайте, немцы сейчас не такие, какие они были» В те годы немцы были хорошие, они никого не трогали, и память... У них в памяти осталось доброе отношение.

00:55:43

Это во время первой войны?

Первой мировой войны, да. Это у бабушки, очевидно, осталось, она... Вот. И они... Как мы потом узнали? Мы долго их искали. Тут я написала, потом «Мемориал» выпустил такой диск, где о двух, что ли, миллионах людей... И там не только я своего отца увидела, но и людей, которые... Тех братьев, которые у него были. А мы ничего не знали. Но мы искали. Я написала письмо в Коми, потом, когда я увидела в Коми, я написала. Рогачев — такой был, Михаил Борисович — он был и в «Мемориале» [«Международный Мемориал» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов и ликвидирован. — прим. Ред.], и в обществе Покаяния. И у него была, видимо, такая возможность — посмотреть: «Что?..» Он посмотрел. И где они были, я узнала. Есть поселок Черный Яр, Коми, в который пригнали. Когда они уезжали, когда их собрали, им сказали: «Уезжайте». И вот три брата, они поехали. Взяли машину, и вот буквально за день. И вдруг за ними бежит бабушка. Только машина отъехала. Они думали, она с ними уедет. А у них было хозяйство, вообще-то, и они не хотели. И моя тетя, с тремя детьми и семьей, и родственники, все остались. Она, оказывается, несла им молитвенник. И вот они все остались живы. Там написано. А мои родственники погибли в Трехлинейке. Моя бабушка, моя

тетя, ее трое детей. И я была... Я на машине ездила туда — в музей Катастрофы. И видела этот зал для детей. Это такая комната, темный потолок и звездочки. Это звездочки, это, по-моему, все там. Это память о погибших детях. Такой зал там есть. И музыка играет. Вообще-то страшное такое место. Я сразу вспомнила своих родных и вот этих маленьких детей, она нам присылала фотографии.

00:58:32

Это по линии отца все?

По линии отца.

00:58:37

Тем не менее, братья его искали, да?

Братья его искали. И когда в 1940-м, что ли, году, не знаю, они... Они же попали в Брест. А потом всех, кто там был, им не понравилось многим. И я знаю, что жена моего дяди младшего, она писала в немецкое посольство. Что мы хотим вернуться. Они же не знали. Вот, письмо у них осталось. Но такие письма были. Письма у нас-то нет, конечно. И вот всех ссылали в разные места после этого. И они приезжали в нашу квартиру. Сначала они написали маме письмо, о чем — она не говорила. Что написала? «Он уехал, его нет, он уехал очень далеко». Но им же это не понять. И они приходили, говорят так. Им открыла девочка — это, наверное, думаю, соседка. И сказала, что мамы моей нет дома. Они были в большой обиде — что она, наверное, не хочет с ними. И так до конца, вот я с ними потом встречалась. Так до конца они так и думали.

00:59:59

Но вы же потом рассказали им?

Сказали, что это же осталось в памяти. Что она такая, что она «не захотела». Ну, а мы потом искали их. И я начала, когда я увидела... Да, сначала мы в Польшу писали: может быть, что-то знают? Но там, где они жили, и туда ездили оба сына, там, где они жили, там ничего нет. Там только Стелла вот у меня есть. Стелла из могильных плит осталась в память о тех, кто погиб. А мы не знали. А потом, когда я обратилась, мне дали адрес Рогачева: я ему написала письмо. Он мне подробно написал, где они жили до 1942-го, что ли, года. Ну, я там не помню, я написала. Когда между польским правительством в изгнании и нашим был заключен договор не трогать женщин. Ой, женщин — не трогать людей, приехавших из Польши. И я думаю, поэтому мой дядя очень хотел в России остаться. Но его не взяли. Их не взяли в армию: ни в польскую армию — они хотели, когда польская армия... Ни в нашу. Вот мама им написала, что вот, он [отец] уехал. Ну, вот когда уже написал Михаил Борисович, когда я пришла в «Мемориал» [«Международный Мемориал» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов и ликвидирован. — прим. Ред.], когда мне отдали адрес, я с ним немножко переписывалась.

01:02:04

Нина Марковна, а помните, когда культ Сталина был развенчан, вот на том самом XX съезде, какая была реакция в вашем окружении? Ваша личная?

По поводу его смерти?

01:02:17

Нет, когда Хрущев разоблачил.

Ну, вообще был шок. Начну с этого. У нас была преподавательница политэкономии. Когда она нам сказала, у нас был шок, и мы решили искать правду. Вот тогда начали. В 1956-м году, 56-57-й. Тогда вот моя подруга мне тоже сказала, что у неё тоже так.

01:02:46

Что, никто не верил, или что?

Нет, почему? Не могу сказать. Это был шок просто. Это казалось невероятным. Очень страшно было это слушать. И я потом, в 1991-м, что ли, 1989-м, я ходила в КГБ. Просила, тогда разрешено было дело посмотреть. Но то дело, которое я смотрела, было более полным. Тогда не все было закрыто. Но около нас стоял офицер и ничего не разрешалось: он смотрел, что мы там смотрели, чтобы мы ничего не взяли, чтобы мы ничего не трогали. Я ходила с братом, и с сыном, с Ильей, который фотографирует. Делала здесь фотографии. Очень сильное впечатление. Я была поражена. Я думала: за что же? Я же не понимала. За что можно было?

За то, что он сообщал, сколько леса идет на запад? И какие настроения солдат? И еще что-то... Мне это казалось невероятным. Я думала: как же так? Но я не очень же тогда всю эту историю понимала и знала. Очень сильно. А потом, в 2000-м, я еще раз пошла, и мне разрешили переписать. Я переписала то, что было открыто, но поняла, что открыто гораздо меньше, чем то, что было в первый раз. Вот такие дела.

01:04:43

И вы там увидели фотографию вот эту, последнюю его?

Есть фотография последняя. И есть его молодой. И какой он был. Он был довольно симпатичный человек.

01:05:00

То есть вы тогда, получается, как будто бы познакомились с отцом, да? По-настоящему?

Ну да. Так я знала, что он хороший человек, он очень любил маму. Там есть фотографии, где они вместе путешествовали. В Сванетии [Грузия] где-то в горах.

01:05:21

А когда вы маме своей впервые задали вопросы: «Что с отцом? Где отец?» Наверное, какой-то момент же такой настал?

Она сказала, что он был невиновен. Она сама начала, говорила: «Он хороший человек». Она так и писала: «Я его знаю, он порядочный, хороший человек». Это мне очень нравилось.

01:05:46

Я имею в виду, что вы жили, уже привыкнув, что его нет, да? Но в какой-то момент же все равно решили, наверное, узнать?

Я же никогда не спрашивала. Дело в том, что мама никогда не говорила. Но я знаю: какая-то девочка у нас в доме... Не в доме. У нас дом такой большой, Г-образный. А ее родители работали, видно, или мама работала. «А я знаю! — она мне говорила. — А я знаю, что с твоим отцом!» Но — что с моим отцом — она не говорила. Но я не приставала. Я знаю, некоторые очень боялись и говорили... Но мама, она так и верила, до самого конца. Она все время думала, что он жив. И когда у нее был маленький срок беременности — отец очень хотел сына. И я единственная с этой фамилией, отцовской. Брату, конечно, естественно, она дала свою фамилию, и у нее своя фамилия, и у всех родственников. А я единственная, у меня была фамилия отца и отчество. С тем, что, если вдруг что-то случится, он меня найдет.

01:07:11

Такой был замысел, да? То есть, она верила до конца?

Верила до конца. Очень сильное впечатление на нее произвело, когда эту фотографию показала, наверное, лучше бы и не показывала. Очень сильное. Но, я говорю, у нее там сгорело что-то. Говорю, слезы... Слез не было. Ну, конец же был у нее. Время было... Я ей всегда приходила на помощь. Я, когда она заболела, я там жила. Я жила с дядей, когда он болел. Два года я помогала ему, очень хороший человек.

01:07:59

А вы помните момент, когда стали возвращаться люди из лагерей? Как раз после 1956-го?

Помню, как люди шли с этими чемоданчиками. Это прекрасно. Дело в том, что наш район один из первых, где начали строить вот эти пятиэтажки. И туда очень много возвращалось. Я говорю, что у меня было столько людей, лагерников. Кто-то меньше сидел, кто-то больше. Потом, я же дружила со многими координаторами, и знала о них многое, об их семьях — потом. Я в 1993-м году стала заниматься этой работой. До сих пор же занимаюсь, но сейчас уже... У меня скоро никого не останется, потому что они самые первые, самые старые, но очень хорошие люди.

01:09:00

Насколько им было, как вы думаете, тяжело встраиваться в обычную жизнь после лагеря?

Как люди? Встраивались, знаете. Хорошие специалисты — те, которые имели образование — они были очень хорошие специалисты. Вот у меня очень интересный один человек, Гагарин, Владимир Викторович. Я познакомилась с его семьей, и до сих пор в хороших отношениях с его дочкой. А это целая история. Он мне давал книги. Его отец когда-то поехал на строительство КВЖД. Вы знаете, да? Китайская восточная железная дорога. Для того, чтобы связываться с Тихоокеанским побережьями, странами. Тогда Витте, бывший, был премьер-министром, он эту идею поднял. И масса людей предложили поехать. И люди — там хорошо платили деньги — люди поехали. Их основное место было в Харбине. И там была... Там был этот Гагарин, сначала со своей семьей — ну, так, до конца. Потом мама у него умерла. Они остались с отцом. И до 1935-го года там работали. Он работал, отец. Что интересно, то, что... Ну, я не... Кто он — наш человек. Не губернатор, а представитель нашей власти в Харбине, у него дочка была Светлана, она училась в одном классе то ли с дочкой Молотова, то ли с дочкой Сталина. И он мне давал книжку, которую написала потом эта Светлана или кто-то из этих. Все Светланы были. О жизни в Харбине. И потом он мне рассказывал, что потом пришли японцы. Это был конец XIX — начало XX века. Пришли японцы, китайцам они стали рубить головы. А нашим они сказали: выбирайте любое место, которое вы хотите, и уезжайте. Не трогали российских людей. И его отец решил вернуться и в Евпаторию, где он жил когда-то. Их сначала в [нрзб]. У меня даже остался, знаете, их допрос. Его, их допрашивали. Но когда он приехал в Евпаторию, его быстро посадили в тюрьму. И его брата. А он — ему было 16, что ли, лет — он куда-то уехал, в другой город работать. А когда война началась, он пошел на фронт. А когда он попал в Евпаторию, потом, в свою часть, его арестовали. А он уже к тому времени был женат, у него была дочка. Вот это он мне подробно рассказывал, об этом, и я эту историю его знаю. До сих пор — он долго и к нам приходил, и я к нему приезжала, дружила с ним. А я его когда как координатор приглашала, когда у нас были 30-е октября и как-то знала семью его и жену его замечательную...

01:12:49

Нина Марковна, как реабилитация вашего отца проходила? Нужно было что-то делать для этого, чтобы получить?

Да, полно писем всяких было. Мама ходила, я вам говорила: «Еще раз придете — и все».

01:13:04

Нет, когда уже после 1956-го года. Когда...

После, в 1957-м году мы получили реабилитацию. У меня письма эти есть. Вся это переписка, масса писем: мама писала, потом я писала.

01:13:19

Ну и в конце концов?..

Да, получили. Но получили в 1957-м году. А я уже просто узнавала, где он, где он похоронен. Сказали: «Мы не знаем, где. Мы ничего не знаем». Потом прислали, даже у меня там в бумагах есть, его расстрел, вот это уже потом. Потом я долго искала, где он, ездила. Одна из первых, наверное, с группой я ездила в 1993-м году в Бутово. Это были ямы, залитые водой. Были тогда люди замечательные.

01:14:04

Кого вы имеете в виду?

Которые искали же.

01:14:14

Но вам удалось найти место?

Удалось, мне же сказали потом — где. И я с 1993-го ни одного раза не пропускала. Я каждый год, когда ехали в Бутово, я всегда была. И знаете, когда я подошла, там же прекрасный совершенно памятник. Замечательный. Вы были? Не были? В Бутово, что раньше было. Вообще там, знаете, даже там же хотели... Органы хотели взять под дачный участок, и там за стенами у них, видимо, дачи. И постепенно этот забор отодвигался. И влево отодвигался, и вправо. Там был барак еще тогда, который привозили. Дело в том, что отец был на Лубянке, значит — его с Лубянки везли. Ну, есть сведения, это я читала. И никто не отрицает, но об этом почти не говорят. Когда везли, во-первых, боялись, что вдруг они убегут или что-то еще. Пускали газ. Ну, не во все, может, машины, я не знаю, но это совершенно точно. Я разговаривала с Кириллом. Ну, это... Священник. Замечательный человек, у которого дед погиб, он занимался в

Бутово. Он говорит, да, это правда. И их расстреливали не только в Бутово. Многих расстреливали в Варсонофьевском переулке, на Кузнецком. Вы знаете, в Варсонофьевский? Там был гараж, и я подробно читала об этом.

01:16:16

Это рядом с Лубянской?

Туда возили, вначале, оттуда увозили. Оттуда увозили. Я читала книгу об одном мальчике, у которого тоже были арестованные родители. А он был... А к нему прикрепили, бывшего, видно, КГБшника. Может, он шофер был, не знаю. И он его даже возил туда — просто ему нужно было поехать. Он видел этих водителей, которым вдруг звонили, и они уезжали. Это раньше я не читала, что там были такие расстрелы. А вот про газ я где-то прочитала. Поэтому... Но там даже, в Бутово, там такой маленький музей — не музей, в самом соборе, который поставили. А первая была деревянная церковь такая, и там первая книга, в которой уже тогда упоминался отец. Только подробности я узнала все позже. Вот так.

01:17:38

Как вы, Нина Марковна, думаете, вот то, что произошло с вашим отцом, как это вас изменило, как это повлияло на вас, как человека?

Ну, как сказать, не знаю, что. Мы трудились хорошо, что мы думали об этом, сохраняли светлую память. Некоторые живые старались не говорить никогда. Для них это было нечто закрытое. У меня светлая память о нем сохранилась. Ну, и так было, а сейчас тем более. И, знаете, когда я дело его читала, я думала: боже мой, за что же его? Я же не знала, что это чисто... За что его? За какие дела? Никаких дел не было. На меня это очень сильное впечатление тогда произвело.

01:18:31

Но это как-то изменило ваше отношение к жизни, к людям?

Ну, я вам не могу сказать, чтобы у меня... Просто много... В моей жизни было много хороших людей, светлых. Ну, были страшные моменты. Подробно уже то, что сейчас я думаю...

01:18:59

А когда вы своему сыну впервые рассказали эту историю?

Сыну? Сразу.

01:19:07

Сразу — это когда?

Да, он со мной всюду ходил и всюду... И он очень проникся. И поэтому он сразу пришел сюда помогать фотографировать, практически как волонтер. И относился, и всюду со мной ездил. И в Бутово, и в Коммунарку.

01:19:31

А сколько ему было лет, когда вы ему впервые рассказали об этом?

Мы с ним уже читали дело. Впервые ему дядя мой сказал, когда ему было 16 лет. Просто сказал. Немножко, видно, сказал.

01:19:51

Что дедушку расстреляли, да?

Да.

01:19:56

А потом он уже к вам, наверное, пришел с вопросами?

Да нет, он все понял. Мне, меня, люди молодые — они умнее нас. Очень многие. Вот, иногда едешь сюда, в такси, часто дают такси — я разговариваю иногда с людьми. «Вы знаете об ГУЛАГе, о музее?» — «Не-не, мы ничего не знаем. Неужели?» — удивляются. Но молодежь не всегда сейчас... Молодежь плохо об этом знает. Молодец музей, что он работает над этим.

01:20:43

А что надо еще делать, чтобы это все-таки не умерло, чтобы это сохранилось и будущим поколениям?

То, что вы делаете, то, что когда-то делал «Мемориал» [«Международный Мемориал» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов и ликвидирован. — прим. Ред.], то, что вы делаете, это очень важно. Это очень важно для будущего.

01:21:03

А как вы воспринимаете фразу, когда люди иногда говорят, что не надо старое прошлое ворошить, не надо?

Вообще, это неправда, и это значит — забыть прошлое. Это же касается не только их, это касается их и будущих детей, и будущих поколений. Я говорю, что музей играет большую роль. «Мемориал» [«Международный Мемориал» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов и ликвидирован. — прим. Ред.] играл, и музей.

01:21:33

Как вы думаете, нужен какой-то процесс судебный по поводу преступлений Сталинского режима?

Вообще нужно, но я думаю, что этого не будет. Мне так кажется. Но мне бы казалось, что это было бы нужно. Это нужно было раньше делать. Все боялись, что ли, все в чем-то были замешаны, многие.

01:22:03

Но может быть еще не поздно, все-таки?

Не поздно, но этого не будет, я думаю. Может, когда-нибудь...

01:22:14

У вас нет ощущения, что если этого не будет, то и ничего хорошего не будет в стране нашей?

Ну, то я не знаю. На это я могу не говорить.

01:22:26

Что это просто необходимо, это делать?

Это необходимо.

01:22:33

Я знаю, что вы все-таки увековечили память отца своего, да?

Конечно. Я вообще на могиле мамы первым его написала и включила в общий памятник. Когда еще не было Бутово, я думала: ну где-то должно быть о нем хоть слово? И там я просто фотографию его и... Ну и вообще, я всю литературу... У меня по Бутово, наверное, все тома, по Коммунарке есть том. Просто я даже некоторым помогала, находила их родных. Тех, с которыми я была связана, как координатор. А сейчас я координатор округа, но сейчас это уже, знаете, в основном касается только Дня памяти. Ну, я говорила, что я очень хотела поставить памятник жертвам репрессии — и мы решили, что попробуем. Ну, я решила, что попробуем. И я обратилась в управу. Это несколько лет было. А потом хорошие люди пришли. Может, и тогда были хорошие, но не могли. Сейчас она главный наш в округе руководитель. В округе она была тогда зам. начальника. Зам. руководителя управы, и она в этом смысле... Поняли. Ольга Сергеевна Корчагина, такая. И был Родионов, тоже руководитель. Муниципалитет не возражал. Вот уже сколько, наверное. Поставили памятник. Ну, моя инициатива пробивала. И пробила. Вот я, это считаю... Не знаю, может это слишком... Делом моей жизни. Для людей. Потому что, особенно в начале, люди не все могли ехать сюда, к памятнику. Кто мог — ездил. Приходили, у нас были очень большие митинги первые. А потом, до сих пор, вот — последний был 30 октября прошлого года, и всегда я одна из первых выступала. Ну, первые выступают там представители управы, там ещё, а потом я рассказываю обычно небольшой рассказ. И тогда начинают, после меня начинают уже цветы возлагать. И я читаю стихи. Стихи, которые написала моя подруга, у которой отец был крупный человек. Он был... Он прошел всю революцию, и был он... К концу своей жизни он был Нарком Внешней торговли. Он был знаком с Лениным, и так далее. Но не в этом дело. В общем, крупный человек. И не только он погиб, но погибла его жена, и осталось из ее четырех, что ли, сестер, осталась только одна. Все

погибли. Остались две сестры. Она — ей было там два года, что ли, сестре было пять лет. И их... Сначала в детский дом, потом разобрала... Взяла бабушка. А бабушка, у которой все погибли, кроме одной девочки. И она — это Зоя Аркадьевна Высоцкая. Потом она — Высоцкая. А была Розенгольц, вот такой человек был. Она ее... С ней жестоко обращалась, потому что она была похожа на отца. Она говорила: «Ты, Наташа, иди кушать. А ты... Садись на горох». И била ее. И когда пошла в школу, медицинская комиссия увидела, что она вся в синяках. Ну, и потом эту бабушку там... Ну, лечили. А девочки были в детском доме. А потом тетка отца, которая его воспитывала — у нее был больной сын, когда сына не стало, она ее взяла. И она у нее жила.

01:28:11

И вы дружите?

Мы дружили.

01:28:15

И она писала стихи?

Она писала стихи, и я вам прочту, я читаю эти стихи обычно, когда у нас бывает день памяти: Есть место дачное одно, с простым названием — Коммунарка. Здесь листьев желтых полотно всю землю покрывает ярко, Деревья по краям стоят, застывшие в безмолвном плаче, И память страшную хранят о всех, расстрелянных на даче. Там столько тысяч молодых, что жили, пели и смеялись Осиротив своих родных. Рукой преступно истреблялись. И мама среди них была. Как все безвинные, убита. Ее земная красота навеки в той земле сокрыта. Я на коленях, на земле, главу пред всеми преклоняю, Цветы оставляю на траве, а слез с лица не вытираю. Вы знаете, я когда как-то в Коммунарке прочитала стихи, то люди плакали. Я сама плакала, когда первый раз я эти стихи услышала. Ну, в общем, вот. Наше счастье, что мы остались с мамой, знаете? А вот люди, очень многие у меня были... Был вот такой, Вологодский у меня, у которого отец расстрелян, мать была в лагерях, его отправили в какой-то дальний детский дом, он оттуда бежал несколько раз. Была у меня Лариса, недавно умерла, замечательная женщина, вот она очень хорошо... Не скажу, что мы дружили, но она еще ко мне очень хорошо относилась. Я ей как-то помогла поехать на Соловки, поехать... Но не только поэтому, просто вот... Вот тоже судьба какая, например: у нее отец расстрелян, мама ходила-ходила — простая женщина — ходила-ходила, пока ее не отправили в лагерь. И она там родила эту девочку. И вот она... Мама потом умерла, она — в детские дома, ну, неважно... Но воспитана она... В общем, она молодец, она сохранилась, она стала врачом. Она жила на Камчатке. Она говорит: «Я была детский врач, у меня ни один ребенок не погиб». Дальше можно не говорить ничего такого. Я просто говорю, вот такие у меня были дела. Я вам о нескольких людях просто рассказала, такая была...

01:31:19

Нина Марковна, наверное, главный вопрос: как сделать так, чтобы это все не повторилось?

М-м-м?

01:31:26

Как сделать так, чтобы это не повторилось больше никогда? Как вы думаете?

Это не в наших силах, я думаю. Поэтому я не могу этого сказать.

01:31:37

Но разве от нас ничего не зависит?

Ну, вот вы все делаете, что можно, чтобы сохранилась память, чтобы, когда люди будут знать... Но у нас же... У нас немножко по-другому же воспитана наша страна. Все непросто. Я тоже... Я даже вот еду в машине, я иногда рассказываю людям.

01:32:11

То есть, просвещением надо как минимум заниматься?

Мне кажется, это тоже важную роль играет. Вот рассказываешь иногда о ком-то, рассказываешь, о хороших людях, которых повезло встретить. Такая была, Анисимова Маргарита Абрамовна. Она работала в «Мемориале» [«Международный Мемориал» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов и ликвидирован. — прим. Ред.], она помогала людям найти своих близких. Она дежурная была, и она одна из лучших дежурных — к ней

обращались, и она очень многим помогла найти могилу. Ну, некоторым — могилу, некоторым — куда обращаться, помочь, найти. Замечательный человек. Жила в Дагестане. Отец был ее расстрелян, мама умерла. Ей было 12 лет. У нее еще было две сестры маленькие. Вот она, настолько замечательный человек, когда она умерла несколько лет назад... Вы знаете, она учитель, человек 60, наверное, приходило на ее похороны. Буквально. То есть ее просто, понимаете... Она всю душу людям отдавала. Вот это необыкновенный человек, просто. Может, ее и помнят многие, кому она помогла. Вообще. Она вообще людям помогла. Светлый человек. Вот об этих людях иногда и хочется говорить, об этих светлых, замечательных людях. Я говорю: «Давайте, я о вас напишу?» Она говорит: «Нет, не хочу, не надо». Да и я, вообще-то, когда ко мне Варя обратилась, Варвара, написать, я как-то не хотела. Думаю, ну что, зачем? А мне сын говорит: «Мам, ну, напиши».

01:34:10

Правильно.

Поэтому я написала. Это его письма, которые были переведены. А вот, у нас какой-то был чемоданчик, который я что-то не могу найти. Момент... «К пятилетию со дня расставания с вами, находясь в Кузнице, где я выковываю знания для достижения лучшей жизни, посылаю вам в семье мой портрет. Ваш Мордко». И вторая. Читать? «С Запада на Восток, когда солнце тучами было закрыто, в объятиях шторма волнами занесен высинную Армию-Освободительницу. Шторм с Востока меня бросает, и ещё более могучие волны, и несут меня туда, где солнечные лучи превращают ночь в день». Романтик. Был романтик.

01:35:14

Абсолютно.

Вот что он написал, у меня больше... Есть что-то, но я, вообще, честно говоря, и не знаю, где.

01:35:20

Кому он это писал?

М-м-м?

01:35:22

Кому он это писал?

Своим родным. Может быть, не отправил письмо... Вот, вытаскивать отсюда или прямо?.. Как-то к вам...

01:35:32

[нрзб]

Так хорошо видно.

01:35:36

Видно вам?

01:35:38

Да, так видно. Просто можете пальцами прям показывать, на конкретно...

01:35:40

Давайте я достану фотографии, может быть?

01:35:43

Можно достать.

01:35:44

Лучше будет. Некоторые прилипли, их не достанешь. Вот мой отец, с кем — я не знаю. Ну, какие более интересные... Вот эти, понятно, так и не увидишь. Они... Они мелкие. Мама с папой любили путешествовать. Вот эти фотографии — их путешествий. Здесь, если присмотреться, их можно увидеть, но это сложно. А это моя тетя, которая погибла... Вот, это моя тетя. Я, кстати, на нее... Я, кажется, даже похожа. Не лицом, наверное, знаете, а вот телом. Вот, я посмотрела. У нее такие полные руки. Видите, нет? Отсюда вы не видите.

01:36:43

Нет, вижу, вижу.

Вот.

01:36:48

А где фотография, где вы, там, маленькая?

Есть, сейчас. Маленькая — здесь. Вот эта фотография, не знаю, вам интересно, нет?

01:37:02

Всем все видно.

01:37:02

Интересно?

01:37:03

Да, что там?

Можно открыть, может быть, вот так? Где тут написано... Моя тетя. В девичестве тоже Рубинштейн, погибшая в лагере смерти. Я о них вам еще несколько слов скажу, потому что это история наша.

01:37:29

Давайте, говорите тогда.

М-м-м?

01:37:30

Говорите тогда сейчас.

Говорить, да? Я вам говорила, что мы искали наших родственников. Ну и... Ну и, в общем, мы их нашли. Когда я ездила в Израиль, мы познакомились с ними. И вот, после окончания войны они стали... Они оказались в лагере перемещенных лиц, в Германии. Двое дядей поехали в Польшу, но там ничего не нашли. И старший брат сказал: «Я больше не могу оставаться ни в этой стране, ни на этом континенте, ни в России, ни в любой другой стране». И уехал в Австралию. Один дядя, как мы потом узнали, поехал в Израиль. А один уехал в Америку. Вот, который в Израиле, мы... Илья в это время ездил по какой-то программе. Ездил в Израиль, но он не знал. Мы не знали родственников, и не знали, где они. Это был 1998-й год, и он где-то еще был жив. Но он вот умер. Тоже очень прожил длительную, долгую жизнь. У него остались две дочки, а сын у него погиб. Эти две дочки — мы видели, и познакомились. У одной... Я, потому что, знаете, я думала, что род не остался, что все погибли. А когда я узнала и познакомилась, у одной к тому времени было 25 внуков. У нее пятеро сыновей, один сын погиб. Пятеро сыновей. И с двумя... Двух мы видели. Когда умер мой брат, ездили на похороны, и потом там несколько лет собирались на поминки, то я видела двух моих двоюродных племянников. А мои сестры очень хорошие оказались люди. Они преподаватели. Одна — профессор. Языками они занимались. А вторая, к тому времени, по-моему, была на пенсии. Тоже преподаватель, и она на пенсии занималась помощью женщинам. Помощью тем женщинам, которые страдают от насилия в семье. То есть, вот какой-то такой работой. А та, которая старшая... А вообще, я у них в роду самая старшая из всей этой семьи, среди вот этого поколения. Она помогает своим детям.

01:40:49

Так, смотрим дальше.

Дальше? Сняли?

01:40:53

Да.

Сейчас у меня все вылетит. Тоже фотография. Тут у меня есть еще фотография. Так, но это может быть не так интересно... Мелкие такие фотографии. Потому что они путешествовали, ездили. Вот — более крупные. Вообще, надо сказать, вот Илья, он сейчас где-то в отъезде, он приедет в июле. Он может хорошо сделать фотографии. Если вам нужно, потому что он фотограф. Вот, отец. Куда мне лучше положить?

01:41:54

Давайте сюда.

01:41:55

Сюда?

01:41:56

Да.

01:41:56

Давайте я сюда бумажку положу.

01:41:58

Давайте.

01:41:59

Вот эта хорошая.

01:42:04

Достанем её тоже?

01:42:06

Сейчас я положу сюда бумагу — вам будет просто удобнее. Сейчас я эту фотографию вам покажу. Вот эту. Если она не прилипла, нет? Вот эту вы снимали?

01:42:29

Да.

01:42:31

Вот эту, конечно, ее не увидишь. Это дети, но это ладно, это его племянники. Дальше?

01:42:40

Сейчас ещё чуть-чуть...

01:42:50

Сейчас покажу, потом — ту фотографию, которую нам дали.

01:43:01	Можно, да.
01:43:01	Сняли?
01:43:02	Да.
01:43:04	Сейчас я их уберу. Хорошие фотографии вам показываю. Я на него похожа, как две капли воды. Просто... Вот эту мне нравится. Вы эту сняли, нет?
01:43:45	А возьмете ее в руку прям, может быть?
01:43:47	Да, я их не брала в руки, сейчас я вам...
01:43:49	Может, не на листочке, а прямо в руке подержать?
01:43:51	Ага, вот эта.
01:43:52	Ага
01:43:53	Вот эту я вам показывала? Вот эту, может, не обязательно... Вам же все не нужно? Я покажу те, которые мне нравятся.
01:44:07	А можете ее прямо в руку взять, и давайте в руке её подержим?
01:44:11	М-м-м?
01:44:11	В руку взять можете? В руке подержать?
01:44:14	Молодой, видимо. Вот так?
01:44:19	Прямо над альбомом. Над альбомом, да.

01:44:23	Вот так?
01:44:24	Да-да.
01:44:27	Хорошо.
01:44:33	Можем дальше.
01:44:41	Сейчас... Вот эту вы сняли? Вот эта очень хорошая...
01:44:47	Да, да, сняли.
01:44:47	Тоже над альбомом?
01:44:48	Да-да-да. Вы вот так же можете над альбомом ее держать.
01:44:52	Вот так, да? Давайте я положу, может, на бумагу какую?
01:45:01	Нет, так хорошо, так лучше всего. Можем дальше, да.
01:45:07	Дальше? Вот эту вы тоже, вот эту вы снимали. Но, может быть, так не очень, над альбомом...
01:45:16	Давайте, да, в ваших руках вот так.
01:45:19	Вот так, да? Хорошо вам?..
01:45:21	Чуть-чуть вот поближе к себе.
01:45:23	А?

01:45:23	Правее, правее.
01:45:24	К себе поближе. Давайте вот так, ага. Вот так хорошо.
01:45:26	Вот так, да? Хорошая какая фотография. Сама мне так понравилась.
01:45:36	Отлично.
01:45:45	Вот эту тоже вы снимали?
01:45:47	Да-да-да, по-моему. Эту уже вы сняли?
01:45:51	Да, сняли.
01:45:52	Эту не нужно, сейчас дальше пойдем. Вот это уже трагические события. Вот фотография, где я со всеми. Но у меня есть получше. На месте гибели моих родных. Вот эту сейчас я достану. Хорошо прилипли. Вот еще. Сейчас я сюда положу тоже белый лист. Ой.
01:46:30	А давайте прямо в альбоме смотреть?
01:46:31	Прямо вот сюда кладите, да. Так лучше будет. Да?
01:46:35	Ага. Вот так?
01:46:39	Да-да-да.
01:46:40	Давайте. Тогда зачем я вынимала?
01:46:46	Так без обертки тоже лучше.

01:46:47 М-м-м?

01:46:48
Без обертки тоже лучше видно.

01:46:51
Лучше. Дальше?

01:46:53
Да.

01:46:54
А вот это мы — где я и отец. У меня получше есть немножко. Вот это — смерти. Посмотрите, какое лицо. Вот эта фотография.

01:47:14 **Это из тюрьмы?**
Это из тюрьмы. Из КГБ. С Бенке. Сюда?

01:47:23
Да.

01:47:24
Подвинуть?

01:47:26
Нет, так хорошо.

01:47:27
Сейчас я её, положу, хорошо? Страшная фотография какая. А вот это памятник погибшим, родным. Вот Стелла, которая из могильных плит. Вы здесь всё можете, все из альбома. Моя тетя погибшая, Господи. Дальше?

01:48:04
Да.

01:48:05
Поехали. Вот эта сама страшная. Вот, посмотрите.

01:48:21 **Да, взгляд такой.**
М-м-м?

01:48:23 **Взгляд, конечно, такой...**

А тут, если присмотреться, и губы разбитые видно. Тут я даже не знаю, пока даже не снимайте. Может быть, у меня и нет больше. Вот эта — это просто мои родственники. Но это вам не надо. Я просто покажу. Вот — я маленькая, но это плохо видно, с тетей со своей. Это вы не будете,

это не нужно.

01:49:10

Нет, давайте покажем.

01:49:12

Давайте, давайте, да. Покажем.

Здесь было хорошо.

01:49:28

Ладно...Вот это — моя тетя, которая меня назвала. Посмотрите, какая красота.

01:49:46

Да, очень.

Она тоже у меня симпатичная очень. Вот эту хотите? Снимете?

01:49:55

Угу.

01:49:56

Моя тетя, погибшая в лагере. Сюда?

01:50:01

Да, давайте.

01:50:15

Так, убираю. Там, где хорошо прикреплено, там никак. Сейчас... Ладно, не знаешь как.

01:50:34

Вы пока не убирайте, мы ещё потом же возьмем их на сканирование.

Ну да, вы потом скажете, какие вам нужны? Поехали дальше. Дальше вот, еще мой отец. Вот, что интересно. Можно?

01:51:02

Да.

01:51:04

Вот еще одна такая фотография. Ну и, наверное... Вот это — мой брат, который получил вот эту самую ЮНЕСКО. Нужно?

01:51:17

Да.

А здесь он с мамой. Молодой тоже. Мешаю? Сейчас я... Просто потом закрою. Сняли?

01:51:53

Ага.

01:51:53 Сняли?

01:51:55 Да.

01:51:55 Сейчас. Потом, тут у меня тут еще — где я есть и брат маленький.

01:52:04 **Пакет убери. Вот, чтобы не мешал.**
Это уберу. [нрзб] У меня, я вытащила здесь... Эту вот получше видно — вот здесь, я вам покажу, здесь я, вот, на руках. А вот, в гамаке, мой отец. Это плохо видно, но другой у меня нет. Давайте вот так, может быть, на белый?

01:52:41 Нет, так хорошо, как сейчас.

01:52:57 Сделали?

01:52:57 Да.

01:53:00 Сюда... [нрзб]

01:53:05 **Да вы что?**
В месте, где они. Сейчас, положу. [нрзб] Сохраню. Вот эту сняли?

01:53:46 Да.

01:53:50 Вот я, видите, лохматая, а это отец. А вот это мама. Это наши соседи, которые любили меня и с которыми мы жили со дня моего рождения.

01:54:10 **То есть у вас дружная была квартира, да?**
Да. В общей мы так и жили. Вот, мы уехали из этой квартиры... [нрзб] Вот здесь. Сейчас я покажу, может быть, это не надо вам... Сейчас... [нрзб] Вот памятник, который поставлен. Тут есть, но это не обязательно, где мы с мужем. Не нужно? Ну, давайте, не нужно. Там так не любят. Это я так, на всякий случай взяла. Вот это — просто демонстрация. Здесь написано «Кузьминки». Ну что, раньше же массово было.

01:55:12 Угу

01:55:15 Не знаю... Не знаю, то, что взяла, может, лишнее. Сейчас посмотрим. Это сам... Вы его знаете,

Илья, фотограф.

01:55:23

А фамилия у него какая?

Яблонский.

01:55:31

Яблонский?

Яблонский. Это я просто, если нужно, а не нужно — тогда не надо. Это я в Бутово. Это начало. Начало, что было в Бутово. Ложить? Может, не надо? Ладно, это я с мужем, это, наверное, не нужно. Лишняя. Сейчас... Это мой брат, маленький.

01:56:12

Хороший.

Очень милый ребенок. Есть такая змея, сейчас положу. Это — я в детском саду. Я уберу. Просто вот, не совсем, наверное, те года, но... Наши не нужно, наверное, с мужем?

01:56:56

Вы про него не рассказывали ничего.

Хороший инженер. Вот, покажу. И я. Это, когда 35 лет нашей совместной жизни, а сейчас у нас 62 было. Снимите, да?

01:57:17

Да, уже все. Снято. Можно следующий.

01:57:22

Сейчас, эту я уберу, где-то... В единственном числе эти фотографии. Если вам нужны.

01:57:38

Да, это нужно будет.

Вы мне скажете. Что мне еще рассказывать?

01:57:48

Вот с сыном можно взять. [нрзб]

Это не нужно, да?

01:57:50

Нужно. Потому что вы про него говорите.

А это просто — я, потому что, как раньше ходили.

01:58:00

Это у вас в Кузьминках, да?

В Кузьминках. Такой небольшой.

01:58:06

Так, это возьмем тоже.

Мелкую возьмете?

01:58:10

Да.

Второго...

01:58:15

Это кто?

Женя, другой сын.

01:58:16

А, у вас два сына? Я думала один. Мы просто про одного говорили почему-то.

Потому что один здесь, другой...

01:58:31

Ну ладно, тогда одного мы возьмем.

Нет уж, если брать, то двух. Просто он работает у вас, Илюшка. Ну как бы, бывает так.

01:58:43

А, понятно.

Если Женька не нужен, то... Если про детей — то надо про двоих. А если не нужно — другое дело, что он не занимался. Он может все, но не занимался. Вы там поговорите. Вот это все нужно, да?

01:59:00

Да, это нужно.

А вот это? Какая-то такая фотография, непонятная.

01:59:06

Так, а еще какая есть? Получше, вы сказали, есть?

Нет лучше, самая лучшая.

01:59:12

Тогда возьмем.

Ну если хотите, Илья сделает. Он снимет, он делает так, что фотографии лучше видно.

01:59:18

Ну мы на всякий...

А?

01:59:22

Вообще, она нужна нам, конечно.

[нрзб] Конечно, не нужно, да?

01:59:26

Нет, она нужна.

Нужна?

01:59:29

Это же единственная, где вы на одном фото с отцом.

Ну да, эта единственная.

01:59:33

Вот она нужна.

Так, это нужное, да, детские?

01:59:45

Да, детские нужны.

[нрзб] Вы знаете, может быть, вы спросите Варю, нужна еще эта фотография, нет? Сейчас... Здесь материалы, потом дело. Я скажу, что это такое. Это опять отец. Он нужен, да?

02:00:10

Покажите? Мы возьмем какую-то одну, давайте...

А у меня только... У меня их несколько.

02:00:15

Давайте тогда мы возьмем их.

Сегодня вы сделаете, да?

02:00:19

Я не знаю, может...

Потому что у нее нет некоторых копий. Так, письма вам нужны?

02:00:27

Да.

Сейчас посмотрим, какие. Какие — где. Тут не одни письма. Тут их целая куча. В этом, может быть, мамины письма, сейчас посмотрим. Я их под конец только нашла, вы знаете? Сейчас... Это 1957 год.

02:01:12

А вы прочитайте, что там, что это вложено.

Пожалуйста: «Дело по обвинению Рубинштейна Мордко Матысович, работающего за... Арест 9 марта 1938 года, заведующим парткабинетом при эскадре дирижаблей. Пересмотрено военной коллегией Верховного суда 29 июня 1957 года. Постановление НКВД СССР от 2 мая 1938 года в отношении Рубинштейна отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Реабилитирован посмертно». Тут разные. За 1990-й год: «Ваше заявление с просьбой сообщить сведения о суде отца...». Но это не нужно, наверное.

02:02:10

Это чье? Откуда это?

«Направлено по принадлежности управления Когобоножных». Сейчас я посмотрю, что в этой папке. Тут в других еще... А это что?.. Тут у меня много. [нрзб] Вот ещё, за 1995-й: «Уведомляю, что ваше заявление из военной прокуратуры рассмотрено и удовлетворено. Вы призваны пострадавшей, — это я сначала, пострадавшая, — от политических репрессий...» и так далее. Нужно? Сначала были в 1995-м, потом, позднее, так... Это можно убрать? Нет?

02:03:14

Да, конечно.

Сюда тогда положу? Вы там скажете, там разные года. Туда, сюда... Может, вместе собрать.

02:03:29

Давайте.

[нрзб] Моя приятельница говорит: «Я тебе через час позвоню». Как, уже час был? Я, может быть, не все вам сказала, как надо. Вас устраивает?

02:03:49

Да. Так, еще отсюда возьмем, что-то, наверное.

Подвинетесь, чтобы считать... [нрзб]

02:04:07

Вот это...

А все просмотрели?

02:04:10

Нет, тут еще письма, да, у вас?

Это с мамой. [нрзб] Брат.

02:04:18

Это тоже ваш брат, да?

Брат. Это нужно, да?

02:04:27

Да, это нужно. Вот это отец ваш, да?

Да, но мне не нравится. Мне раньше нравился.

02:04:41

Какая?

Вот эта... Что-то нужно, что-то не нужно. Сейчас.

02:04:53

А вот здесь он, да? А кто? А остальные?

Нет, здесь нет.

02:04:57

Нет его? Вот это он, да?

Ага.

00:48:16

Возьмем ее.

Берите эту, вот эту.

02:05:05

Это уже у нас есть.

Вот мамино письмо. Одно из вариантов, наверное. Копия. Копия 1956-го года. Главному военному прокурору СССР. Мамино. Нужно?

02:05:28

Да.

Так, тогда я его вам отдаю. Сюда, пусть полежит.

20:55:42

А это, наверное, в фотоателье делали, да?

Наверное. Не нравится.

02:05:46

Не нравится? Почему?

Нет, нравится, конечно. [нрзб] какие-то... Вот это интересно. Сейчас. Не так много фотографий. [нрзб] Еще там где-то. Может, я какие-то выложила. Вот это — настоящее. Посмертно. Вот это, видите, чистое? Настоящее. Там какая-то была... Вот. Вы посмотрите потом, может, что-то повторяется. Нужно?

02:07:21

Да.

Положите вот сюда [нрзб] Знаете, можно конфетку?

02:07:51

Конечно.

02:07:56

Все, спасибо. Думаете, все? Ничего... Тут анкеты, переписанные мамой. Но она, по-моему, в деле может быть есть. Может, нет. Нужно? Не интересно...

02:08:27

Нужно. А что это за анкета?

Тети [нрзб] Что-то нужно, нет?

02:08:37

Нужно, нужно, да. Мы бы все отсканировали это. Потому что, видите, это ветхое уже такое. Отсканировать можно это?

Конечно, сканируйте. Кладите сюда. Переписано в 1956-м году, когда она подавала на реабилитацию. Остальное мы сейчас уже будем смотреть. Дело... Вот эта, которая нужна папа. И которые копии — можете мне отдать. Потому что тут столько бумаг... Видите, сколько много разных... Эта — 1991-й год. Тоже, наверное, интересно.

02:09:58

Угу.

Это вот вы отложили. Смотрите, внизу стерлось все. Вот, такое — тут, такое — здесь. Этот был? Все мои документы, поиски. Наверное, столько вам даже не нужно, но...

02:10:42

Да, это тоже нужно. Так, это похоже... Вот это — копия, похоже.

Да?

02:11:27

Вот эта, да.

Вот это копия. Эту я забираю. Вот эта, тоже, наверное, копия какая-нибудь.

02:11:39

Да, да, похоже, копия.

Смотрите сами. Тут был Гриша Аверин, у него крыша поехала, пока он занимался делами репрессированных. Это не нужно. «Коллегия Верховного... Коллегия, которая занималась делами», — вот, это тоже было, посмотрите. Если было — давайте назад.

02:12:09

Да, это было.

Много похожих. На одно не отвечали — другое посылаешь. А признание пострадавшими... Где-то у меня репрессированные есть. Разные бумаги.

- 02:12:51 **А вы компенсацию какую-то получили?**
- Получили. То есть компенсации хватило... . Купили холодильник.
- 02:12:58 **200 рублей, что ли? Только на холодильник. Больше ни на что. Ну и сейчас же получаем деньги. Вот 1957-й год, «за отсутствием состава...» Нет, это уже было Лихачевское, да? По-моему было. 1957-й год был, мне кажется.**
- Возможно.
- 02:13:40 **Да? Не помню уже, честно.**
- Посмотрите, если было, значит вернем. Что здесь? Здесь все уже. Это что? Так, это я забираю пока сюда? Здесь письма Рогачева. Вот этот Рогачев, бедный, еще не старый. Он умер от коронавируса.
- 02:14:40 **Это кто — Рогачев?**
- С которым я переписывалась по поводу родственников. Здесь где-то мое письмо, но это не надо. Сейчас, я... Это какая-то страница, она выпадает. Сейчас еще одну страницу посмотрим. Просто интересные сведения. Потому что среди них, родственников, упоминается мой отец. Очень интересно — это история. Посмотрите. Смотрите, интересные домики, сведения. История. Это история, понимаете? Где были... Здесь все мои родственники, много. Здесь же был указан, в принципе, и мой отец, как польский гражданин. Наверное, с него не снималось. А это какие-то мои письма. Письма мои, может быть, не нужны.
- 02:16:26 **Это что за письма?**
- Мои письма.
- 02:16:28 **Кому?**
- Этому... Михаилу Борисовичу.
- 02:16:30 **А...**
- Не нужно? А вот это интересно. Положите туда. Это мои письма [нрзб] Это первое — мое с ним знакомство.
- 02:16:56 **А дело вот здесь, да? Дело его где? Вы сказали, дело есть отца.**
- А?
- 02:17:00 **Дело отца еще есть, вы сказали.**
- Я переписывала.
- 02:17:04 **Вот это или где? А, в тетрадке, да? Давайте посмотрим.**
- Здесь что-то еще. Думаете, все? Это тоже надо [нрзб] Я вас не измучила? Я сама уже измучилась.

02:17:30

Как?..

Вот это — то, что нам не надо. Сейчас я вам... Дело отца показать... Какие-то мамыны, по-моему, были, которые я даже не помню. Я их [нрзб] как-то отложила. Что-то тут будет, может, повторяться. Нет, что ли, у меня... [нрзб] Все приносят столько бумаг, или только я?

02:18:11

У кого что есть.

Что это такое?... Видите, как-то хранят...

02:18:31

Правильно.

Что может быть такое сложное... [нрзб] Засунуто... Что тут... [нрзб] Это не нужно. Слава Богу, хоть что-то ненужное. Вот, смотрите. Это в 2001-м году. О признании меня репрессированной. Нужно, да? Потому что пострадавшая-то была. А то, чтоб признать репрессированной... справка о реабилитации: вот она, справка. Это уже ко мне относится.

02:19:50

То есть детям репрессированных выдавали такие еще, да?

Сначала мы — пострадавшие, а потом уже — репрессированные. Это репрессированные здесь, да? Пострадавшие выбирают. Это что?.. Это не нужно. [нрзб] Вот это: я вообще ничего не понимаю. Вот, посмотрите, какое страшное, странное. Всё — мои бумаги. Все. Последние идут.

02:21:50

Да, не очень понятно.

Я ничего не понимаю. Какой-то надзорный... Вот это — чем интересно. Что уже чего-то сделали. А, вот, посмотрите, какое. 1994 год. Чего-то, чего-то...

02:22:26

А, это вы, значит, просили уголовное дело из архива.

Да.

02:22:32

1994 год.

Есть — я школьница. Хотите посмотреть? Но это не нужно. Просто это совсем не нужно, хватит одной фотографии. Не нужно?

02:22:53

Нужно.

Нужно? Ребенок тут. Я помню, что у меня даже не было... Когда школу кончили, у меня даже не было платья выходного. А мне было как-то все равно. Потому что это дорого было, и как-то мне было без разницы. Даже не осталось. Помню, что не было, на фотографии. Ну — не было и не было. Сейчас... Вот это было? Насчет места захоронения отца. Нет?

02:23:51

Нет, не было.

А вот еще одна фотография с мамой. Хотите, я вам эту отдам? Или ту, пока снимаете? Это все, что есть.

02:24:02

А мы, кажется, взяли.

Да, та — полная. Но слава Богу, что есть, знаете? А то вообще ничего не будет.

02:24:10

Хорошо, эту тоже возьмем.

У некоторых ничего нет. Хоть с мамой есть. Так, наверное, тоже не нужно. Таких, по-моему, много писем. Не «много», а каких-то подобных. Это я вообще не видела даже. Нет, это — нет. Ну все.

02:25:12

Давайте, вы полистаете вот эту тетрадку?

«Полисталки»? Давайте.

02:25:16

Расскажите, может быть, как вы это всё переписывали.

Как я переписывала? Дали мне дело — я и переписывала.

02:25:23

М-м-м?

Дали дело — я переписывала. Может быть, даже с ошибками. Вот вы, может, посмотрите? Потому что я больше его не касалась. А переписывала, знаете, срочно. Срочно.

02:25:38

Сколько времени вы там провели?

Не знаю, сидела в архиве. Там, в Федеральном архиве. Может быть, знаете... Я собиралась пойти. У меня колени болят, думаю, что, из-за этого. А так... Все эти дела я выбираю, потом вообще не разберу, откуда. Но, наверное, все в одно нужно. Смотрите эту.

02:26:01

Так, вот эту мы возьмем.

Полную... А эту я убираю, в которой вообще непонятно, что написано. Какой-то поднадзорный, чего-то... Сейчас... Не устали? 58.6 статья. Так. Всё уже выпадает. «Опись: Что взяли: паспорт, профсоюзный билет, партийный билет, военный билет, 7 фотокарточек, письма на еврейском языке. Обыск производил... — это не нужно, да? — Малышев». Нужно? «Обыскивающего задержал... Обыскивающего Рубинштейна задержали. Представитель Дома управления...», — здесь безобразно, поскольку я, наверное, торопилась. Вот это, может нужно. Это я выписывала: «Статья 58. Начальник 5-го отделения, лейтенант Подулинский. Утвержден: майор госбезопасности Столяров. Санкционирован: МВО военной прокуратуры. Бригадный военюрист: Деев. Замначальника внутренних отделов: Заковский», — жуткий был человек Заковский. Такой садист. Это Илюшка переписывал. Так, это разве можно понять? Это я выписала. Так, а это что?

02:28:26

А сколько дней вы ходили в архив?

Два раза.

02:28:30

Два раза?

Ладно, это мы потом вернемся. У меня почерк нормальный. Сейчас... Ну, это я писала: «С 1935 по 1938-й работал в Москве, последнее место работы в эскадре Дирижаблей». «Был приказ Ворошилова: тех, кто родился за рубежом, особенно в Германии и Польше, надо безжалостно избавляться. Так и случилось с моим отцом», — это я написала. Вот, пожалуйста, это я выписала. Ворошилов, еще его... Что вы хотите из этого дела? Не все же, наверное.

02:29:33

Самое, да, такое, важное.

Вот это анкета арестованного. Нужно?

02:29:39

Да.

И чего, это все нужно? Вот это нужно, Бодулянского? Просто расшифровка. Вот тут, конечно, ужасно трудно понять. Вот, сейчас... «Несмотря на данные... Нелегально перешел из Польши, — а он — не нелегально. — Помимо того, Рубинштейн имел родственников в Польше, с которыми он некоторое время переписывался. Находясь в Москве, имеет подозрительную шпионажу связь среди польских... На основании высланного Рубинштейна...» — А это другой какой-то, Марк Менделеевич. Туда вписали еще какого-то человека, о котором больше нет разговора. Случайно, по-моему. Начальник... Ну, вот я, просто — кто? Я никогда не знаю, кто его заключение давал. Заковский. Вот — зампрокурора. Такой жуткий тип. Зам... Нарком внутренних дел, вот — Заковский. А потом еще кто-то. Вот это нужно? Дальше уже, наверное, уже понятно. Все, что дальше. Дальше почерк уже нормальный. Протокол допроса. Будете допрос смотреть?

02:31:21

Да.

Допросов всего несколько.

02:31:24

Можете там зачитать что-нибудь?

Вот, допрос. Начинается... А это что? Допрос. Данные допроса. Будете допрос писать?

02:31:38

Зачитайте что-нибудь, пару цитат оттуда.

Чтобы иметь представление? Так: «Фамилия Рубинштейн, место жительства, паспорт, род занятия. После революции — служащий. Состав семьи: жена, дочка. Образование...» — вот, написано. Вот то, что вы хотели: «партийности, ВКБ, в 1924-м году».

02:32:08

А там вопросы есть какие-то?

Сейчас, конечно. «Какими репрессиями подвергался и не подвергался?» Дальше... «Показания обвиняемого: где вы родились и кем были ваши родители? Ответ: родился в 1898 году в городе Луков. Мой отец работал чернорабочим на масло... каком-то заводе. Частного предпринимательства города Луков. В 1905-м умер. Вопрос: до какого времени вы проживали и чем там занимались? Ответ: В Польше я проживал до августа месяца, 1920-го года. Работал заготовщиком обуви на фабрике. В 1919-м году я приехала в Варшаву». Читать? — В Варшаве я работал в кустарной мастерской заготовщиком обуви до июля месяца 1920-го года. В конце июля месяца 1920-го года я приехала в Луков, и в марте 1920-го года, во время отступления Красной Армии, ушел вместе с Красной Армией в город Минск, — это я вам рассказывала. — где добровольно вступил в Красную Армию — Вопрос: что вас заставило выехать из Варшавы в город Луков? — Я скрывался от призыва, — правда или нет, не знаю. — от призыва в Польскую армию в Варшаве. Я жил по документам моего брата, Рубинштейна, так же, который был в 1902-м году... Который был... — что такое... — В 1902-м году и до конца июля 1920-го года, не подлежал призыву в Польскую армию. В июле 1920-го года я приехал и подлежал призыву в Польскую армию по документам моего брата. Поэтому я решил переехать в Луков, рассчитывая, что в Лукове я могу скрыться от призыва в Польскую армию. Я явился в город Луков. Там был... Опубликован приказ Пилсудского, что «дезертир, который не является в призывной пункт в течение 4-х дней, подлежит смертной казни». Этот срок у меня был давно, и приговорен, и я подлежал смертной казни. Поехал в Луков из-за этого обстоятельства — скрывался от призыва в Польскую армию. В середине августа 1920-го года был... Луков был занят Красной армией, и я перешел на легальное положение. С этого момента я на территории занятой Польши никогда не был. — Вопрос: Ваш, младший брат призван к Пилсудскому? — Да, мой брат был призван в Польскую армию, где служил до заключения мира с Польшей — мира Польши с Советской страной. — Вопрос: где сейчас ваш брат? — Ответ: сейчас проживает в Варшаве и работает заготовительным обуви, — все обувщики. — Вы были арестованы польскими властями? — Нет, не был. — Ваша семья подвергалась репрессиям? — За время моего пребывания не подвергалась. — Каким образом вы скрывались от призыва в армию? — Я скрывалась у себя дома, на чердаке, или в огороде. — Вас приходили искать? — Да, — правда или нет, мы же не знаем, там писатели были, — Да, за время моего пребывания в городе Луков за мной на квартиру несколько раз являлась полиция. Я в это время скрывался на огороде в замаскированной землянке. — Вы имеете родственников в Польше? — Да, имею. Опять это, родственники перечисляются... — Кроме того, имеете родственников дальних? — Все мои

родственники работают рабочими на разных предприятиях. — Вы имеете переписку? — Да, имею. Но не регулярную. Последние письма — в середине 1937-го года. — При отступлении Красной Армии вы вступили в Красную Армию? — Я отступал с Красной Армией в городе Минске, добровольно вступил в Красную Армию. Протокол записан с моих слов, верно. Дальше заключение, протокол допроса. Так, опять фамилия. Дальше анкета какая-то. Показания обвиняемого. Вопрос... Вот это вам интересно, наверное? — Вы арестованы за шпионскую деятельность в пользу одного из иностранных государств. Следствие предложило вам дать правдивые показания по этому вопросу. — Ответ: да, я признаю себя виновным в том, что я являлся агентом польской разведки, — ну а что делать-то, когда тебя там вот в таком виде? — Вопрос: когда и кем вы были завербованы в пользу Польши? — Да, в пользу Польши я был завербован в апреле месяце 1933-го года в Биробиджане, работал в Биробиджанском районе с агентом польской разведки Бронским. Просто потом будут уже сведения, что такого человека не существует. Такого нет человека вообще. В Биробиджане. — Вопрос: кто такой Бронский? — Бронский — директор мелиоративного техникума в Биробиджане. — Каким образом Бронский завербовал вас? — Бронскому я... Я познакомился с ним, — и так далее... — Бронский был националистически настроен и в разговоре со мной часто высказывался в духе польских патриотов. Однажды он зашел, — я зашел, наверное, — я зашел к нему на квартиру, где Бронский осторожно предложил мне давать ему некоторые материалы ему для сведений. Я поинтересовался, зачем нужны эти сведения, на что Бронский прямо ответил, что он является агентом польской разведки и требует от меня, чтобы я давал эти сведения. Я страшно возмутился этим предложением и сказал, что на его вопрос — в ГПУ. На это мне Бронский: «Не выдам», — что-то не выдам. — Бронский ответил, что если я его выдам, то ему терять нечего, так как он знает, что он.. чего-то... Я не дам ему своего согласия в пользу Польши, то моя семья, проживающая в Польше, будет подвергнута жестокой ответственности перед польскими властями за мой побег от призыва в армию и впоследствии побег из Польши. Растерявшись от этой угрозы и боясь за судьбу своих родителей, я дал Бронскому согласие заниматься шпионской деятельностью. — Какие задания дал Бронский?

02:41:47

Роман просто...

Роман. А там же писатели сидели, они и... — Ответ: от Бронского я получал задания: собирать сведения о военном строительстве в Биробиджане и расположении военных частей. А в Биробиджане, где он был, там были одни болота и жуткая жуть. Даже палатка такая, большая, в которой мама к нему ездила, она где-то протекала и так далее. То есть... — Кроме того Бронским было дано задание собирать сведения о ходе лесозаготовок и всего строительства в Биробиджане. [нрзб] Вы представляете, что такое Биробиджан? Это что-то жуткое. Строительство Биробиджане, кому-то это было интересно... — За период по 1935-й год я передал Бронскому ряд сведений шпионского характера о строительстве военных объектов. Именно в 1933-м году я передал сведения о ходе лесозаготовок, даже строительства военных объектов. Там сроду, по-моему, этого не было. Так, дальше что? Я, знаете, когда это все прочитала, у меня — вот так голова. Я думаю, а что, что он такое сделал? — При следующей [нрзб] Бронскому сведения о расположении воинских частей в Биробиджане. При чем эти сведения носили ориентировочный характер. Как военных, сведений я дать не мог. После этого я имел с Бронским несколько встреч, где передавал ему аналогичные сведения о военном строительстве. Эти сведения содержали в себе объекты работ по военному и гражданскому строительству Биробиджана, выполнение этих работ. Других сведений я не давал, так как в начале 1935-го года я уехал в Москву, и связь с Бронским прекратилась. — Вы получали от Бронского сведения диверсионного характера? — Нет, не получал. — Вы получали от Бронского задания при приезде в Москву? — Ответ: нет, не получал. — Вопрос: с кем из агентов польской разведки вы связывались? — В июне 1937-го года со мной связался агент польской разведки Пташинский Борис. — Вопрос: Кто такой Пташинский? — Пташинский, который... Борис? Не знаю. Польский. Проживал где-то... По Аптекарскому переулку, дом 3, — это где мы жили. И даже вроде как будто бы он был наш сосед. — Сейчас Пташинский арестован. — Вопрос: Каким образом с вами связывался агент Пташинский? Вот, в заключение написано: таких людей не существовало. Вообще. Ни Бронского, ни Пташинского.

02:45:36

А мама ваша успела вот это все как-то прочитать?

Мама не успела.

02:45:43

То есть, она умерла еще до открытия архива?

Только получила ответ, что он призван невиновным. Реабилитирован. — В Москве я проживал

в одном доме с Пташинским. Пташинский встретил меня в коридоре дома, — и мы даже туда ходили, с моей подругой Светланой, ходили туда смотреть. Даже позвонили в дверь, но нам никто... Нет, открыл [нрзб], сказал: «Я чужих не пускаю». — ... Пташинский? Что я давал когда-то Бронскому какие-то сведения... — Откуда об этом узнал Пташинский? — Мне не известно. Ну, дальше чего? Там дальше... — Я был связан с ним. — Какие задания вы получали? — Сведения Пташинскому передавал. — Какие сведения? — В середине октября 1937-го года я передавала Пташинскому сведения о плане дирижабельного порта и различные расположения эллингов. Ну, чего, не надоело?

02:47:03

Ну, я думаю, что уже хватит. Достаточно.

Сейчас, я еще другой допрос вам прочитаю, для передачи сведений. Так, ответ... «Вопрос: каким образом вам передавали сведения?» — «Мы, говорит, встречались в коридоре что-ли где-то». Мама писала, что таких людей она не знает, ни того, ни другого, когда писала. Ну, и все такое. Еще где-то: «Какие настроения у кого-то?» — «Я от следствия ничего не скрывал, и говорю только правду. Возможно, я упустил что-нибудь из фактов своей шпионской деятельности, но постараюсь сделать следующий допрос». Так.

02:47:59

А сколько там было допросов?

Три, тут написано. Какой-то еще допрос... Сейчас. У меня самой уже — вот так. Чувствуете, как вот арестовывали людей? Тут, вот, что меня всегда поразило, я там читала: «Кого вы еще можете назвать?» — он сказал: «никого». Ни одного человека. Это есть где-то. И написано так складно, знаете, прямо... Так, дальше: «Обвинительное заключение по делу Рубинштейна. Пташинскому, который проживал, — потому что Пташинский там не проживал. — По этому делу Рубинштейн вину на себе признает». Ну, что теперь делать? Признает. Дальше что? Ну, ничего, допросы... Постановление НКВД: «Признать виновным». Заявление дальше идет: «Он был арестован... В связи с разоблачением Берии, — это уже мама писала. — как врага народа, я... Революционной законности, прошу вас пересмотреть дело Рубинштейна». Это мама писала. Дальше что? «Не состоял, не участвовал нигде, ни в чем». — Вопрос: дружил Рубинштейн с кем-нибудь из этого дома? — В этом доме у Рубинштейна никого из друзей не было. Дальше там... [нрзб] Пташинский не проживал. «Показание записано с моих слов». Заключение, вот — заключение. «Уголовное дело по обвинению Рубинштейна подлежит прекращению по следующим сведениям: потеряно дело в судебном порядке. Не проверяли обвиняемого, об окончании следствия не сообщали. Указанный Бронский по материалам КГБ. В СССР не проходит. Пташинский, проживающий в Москве, в частности, [нрзб] никогда не значился, — не знал вообще никто Пташинского. — На основании изложенного возбудить ходатайство». Все вам — военные дела. Постановления. Мне кажется, даже это неинтересно совершенно.

02:51:40

Ну, это уже все. Достаточно, я думаю этого.

Это вот заключение, может быть? «По постановлению комиссии СССР, прокуратура... Признать его невиновным». Вот все это. «Показания Рубинштейна в период проверки не подтвердились». Так как государственный архив данными о принадлежности Рубинштейна, Пташинского, к органам польской разведки не рассматривается. Проверкой установлено, что не проходит. Этот не проходит. Что Пташинский по Аптекарскому переулку никогда не значился. Таким образом, показания Рубинштейна, данные на предварительном следствии, не подтвердились и в процессе проверки не могут быть признаны достоверными доказательствами и не могут быть подложены — Других же показаний по делу нет. Учитывая изложенные...» и так далее. Прошу.